

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой

АВГУСТЪ.

№ 20.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ (стих.).
БЪЛОБОКІЙ ДРУГЪ.
СТАРЫЙ ОСЕЛЬ.
ОСАДА.
КАТЯ И КИТИ. (Повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Уѣздный городишко (для склеиванія).—продол.
Ставь еще разъ! (игра).

№ 20. Августъ, 1915. Годъ изданія VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Около мамы.

сможетъ потомъ улетѣть. Этого пришлось-бы ожидать не болѣе двухъ недѣль. Къ глубокому сожалѣнію, у нея оказалась вывихнутой нога. Мальчишки неосторожно схватили ее въ травѣ за ноги, она билась и повредила себѣ ногу. Значить, теперь нужно было уже ожидать и выздоровленія.

— Бѣдняжка!.. ласкалъ я сороку, точно она была человѣкъ. — Несчастливая птица! Ну, это ничего! Это скоро пройдетъ!

Я помѣстилъ сороку въ ящикъ, она забилась въ уголокъ и нахохлилась. Мнѣ было очень ее жалъ. Я нѣсколько разъ въ день подходилъ къ ней, кормилъ и поилъ ее прямо изъ рукъ и съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе стала привыкать ко мнѣ, пока наконецъ не сдѣлалась совершенно ручной. Нога ея быстро заживала, перья подростали и не прошло и десяти дней, какъ изъ нея получилась красивая и стройная сорока. Каждый разъ, возвращаясь изъ школы, я выносилъ ее въ садъ и предоставлялъ ей поковылять на свободѣ съ часъ или съ полтора. Это ей очень нравилось и она такъ уже привыкла ко мнѣ, что не могла безъ меня обходиться. Когда меня не было около нея, то она, говорили мнѣ, громко кричала, а когда мы были оба въ саду, то она бѣгала за мной и взлетала ко мнѣ на голову. Нашъ садъ кончался крутымъ каменистымъ обрывомъ. Мы подходили къ нему, я выворачивалъ ногами камни и моя сорока тотчасъ-же принималась уничтожать находившихся подъ ними червей и личинокъ.

Однажды я сдвинулъ съ мѣста огромный камень, лежавшій на

сыромъ мѣстѣ, и подъ нимъ оказался такой громадный червякъ, какихъ сорока не видала еще ни разу. Въ первую минуту она его испугалась. Почувявъ врага, червякъ быстро сталъ втягиваться въ свою норку. Когда отъ него на поверхности земли остался одинъ только кончикъ, то, убѣдившись, что червякъ уже не опасенъ, сорока подскочила къ нему, схватила его клювомъ за этотъ кончикъ, вытащила изъ норки наружу и опять въ недоумѣніи отскочила назадъ. Издали она опять стала наблюдать за червемъ. Какъ только онъ снова сталъ уползать отъ нея въ норку, она снова подбѣжала къ нему и снова вытащила его обратно за хвостъ. Такъ сдѣлала она нѣсколько разъ, пока наконецъ не убѣдилась, что это былъ самый безвредный червякъ, только большой ростомъ. Тогда она раскусила его пополамъ. Одну половину его она съѣла тотчасъ-же, а другую отложила къ слѣдующему разу. Но такъ какъ и эта половина продолжала двигаться, то сорока стала трепать ее до тѣхъ поръ, пока она окончательно не ослабѣла. Тогда она взяла её въ клювъ и, глядя на меня съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣла отъ меня что-то скрыть, плутовато отбѣжала въ сторону, огмядѣлась по сторонамъ и быстро засунула половину червяка въ ямку между двухъ корней сосны. На слѣдующій-же день она прямо побѣжала къ этой ямкѣ и съ торжествомъ съѣла уже обсохшую половину червяка. Вскорѣ послѣ этого она устроила себѣ погребокъ. Она стала уже совсѣмъ ручной, бѣгала уже безъ всякаго присмотра по всему саду и, ко-

нечно, не нуждалась ни въ чемъ. Я кормилъ ее досыта, къ тому же и она сама стала отыскивать для себя въ травѣ насѣкомыхъ. Но такъ какъ сороки любятъ воровать и прятать, то и всю лишнюю ѣду, она стала прятать въ особый погребокъ, который устроила сама же. Она выкопала клювомъ ямку и засыпала ее доверху мелкими камешками. Всякій разъ какъ ей нужно было что-нибудь въ нее спрятать или взять изъ нея, она разгребала камешки, клала на дно ямки свой запасъ или брала его оттуда и затѣмъ снова засыпала ямку камнями.

Сорока быстро росла и нога ея скоро оправилась совсѣмъ. Я ожидалъ, что она отъ меня улетитъ, но она и не думала этого дѣлать. Очевидно, ей понравилось у меня. Въ моемъ ящикѣ изъ подъ мыла ей стало уже тѣсно и пришлось сдѣлать для нея другое помѣщеніе. Я взялъ двѣ старыхъ корзины изъ подъ бѣлья и сложилъ ихъ отверстиями вмѣстѣ, отчего получилась большая овальная клѣтка. Я связалъ ихъ вмѣстѣ веревочками, чтобы онѣ не расползались, проковырялъ въ одной изъ нихъ отверстіе для входа и втащилъ эту громадную клѣтку на дерево. Установивъ ее между вѣтвей и укрѣпивъ веревками, я скрутилъ изъ соломы толстый длинный жгутъ и протянулъ его отъ входа въ клѣтку къ землѣ. Затѣмъ я усадилъ въ нее сороку.

— Вотъ тебѣ новая квартира! сказалъ я ей.—Живи на здоровье!

Сорокѣ очень понравилось ея новое жилище, потому что она тотчасъ-же юркнула въ него и долго изъ него не выходила. Но всякій

разъ, какъ я проходилъ потомъ мимо ея дерева, она съ громкими криками, точно по лѣстницѣ, сбѣгала по соломенному жгуту съ клѣтки на землю и устремлялась за мной. Это меня очень забавляло.

Съ этого времени она получила уже полную свободу. Но она предпочитала оставаться у насъ въ усадьбѣ. Конечно, куры не любили ее и побаивались ея. Всякій разъ, какъ она подходила къ нимъ, цыплята разбѣгались въ разсыпную. Одинъ разъ, заподозривъ ее совершенно напрасно въ дурныхъ намѣреніяхъ, на нее налетѣла насѣдка и стала защищать отъ нея своихъ цыплятъ. Она вспрыгивала на удивленную сороку и старалась нанести ей клювомъ ударъ въ самую голову. Но сорока тотчасъ-же спрятала голову подъ крыло и стала ожидать, что будетъ дальше. На шумъ прибѣжалъ пѣтухъ и тоже набросился на нее. Тогда сорока потеряла терпѣніе, вытащила голову изъ подъ крыла и кинулась на пѣтуха. Между ними началась борьба. Я стоялъ тутъ-же и наблюдалъ, боясь и за сороку, и за пѣтуха. Но сорока не дала себя въ обиду. Она схватила клювомъ пѣтуха за крыло и, что было силъ, потащила его черезъ дворъ. Пѣтухъ не ожидалъ этого, испугался и сталъ жалобно стонать. Тогда я вмѣшался въ споръ и рознялъ ихъ. Мнѣ показалось страннымъ, что маленькая сорока была настолько сильна, что могла тащить за крыло такую большую птицу, какъ пѣтухъ.

Эта моя сорока любила и шутить. Такъ она имѣла обыкновеніе хватать клювомъ за босыя ноги моихъ маленькихъ братишекъ, ко-

гда они пробѣгали мимо нея. Они визжали и отбрыкивались отъ нея, а она взлетала потомъ имъ то на плечи, то на головы, размахивала крыльями и кричала. Она умѣла хорошо ловить клювомъ брошенныя вещи, какъ это дѣлаютъ собаки, когда имъ кидаютъ кусокъ пици. Однажды я взялъ кирпичъ торфа, мелко его наломалъ и сталъ ей швырять кусочки съ балкона. Она поймала клювомъ каждый изъ нихъ и всѣ ихъ сложила кучкой около себя. Повидимому, она была очень довольна этой игрой. Особенно-же она любила играть съ пойманными ею мышами. Въ этомъ отношеніи она напоминала кошку. Но я не любилъ этихъ ужасныхъ удовольствій и, завидѣвъ, что она поймала мышенка, тотчасъ-же бѣжалъ на помощь и отбивалъ отъ нея пострадавшаго. Но больше всего моя сорока любила улетать къ овцамъ. Тамъ она садилась буквально на каждую овцу и начинала въ ихъ шерсти отыскивать запутавшихся тамъ жучковъ, козявокъ и паучковъ. Овцамъ это, вѣроятно, очень нравилось, потому что онѣ нисколько не препятствовали ей заниматься этимъ дѣломъ; она-же сама всегда возвращалась домой сытая и довольная и уже не прикасалась больше къ ѣдѣ, а прятала ее въ свой погребокъ.

Однажды я шелъ съ сорокой по лугу. Она свободно бѣжала позади

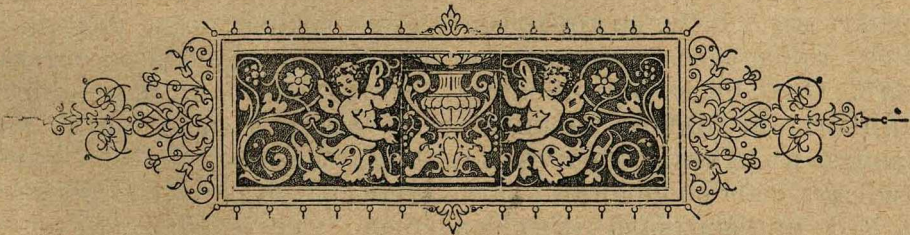
меня. И вдругъ мы оба набрели на другую дохлую сороку. Моя пріятельница обрадовалась. Она подбѣжала къ покойницѣ и стала съ ней о чемъ-то по своему разговаривать. Видя, что та совершенно равнодушна къ ея разговору, она стала ее теревить. Такъ какъ и изъ этого ничего не вышло, то она перевернула ее на другой бокъ. Убѣдившись, что это былъ охладѣвшій уже трупъ, она вдругъ испугалась, какъ-то вдругъ вся съежилась и, рѣзко оглядываясь назадъ, пустилась вдругъ отъ него убѣгать. Такъ страшна смерть даже для животныхъ!

Мою сороку знали всѣ на десять верстъ вокругъ и удивлялись ея привязанности къ человѣку. Но все-таки и этой привязанности пришелъ со временемъ конецъ. Сорока прожила у меня до глубокой осени и въ одинъ прекрасный день все-таки улетѣла. Я очень горевалъ по ней, но дѣлать было нечего, такъ какъ свобода для Божьяго созданія—прежде всего, и пришлось примириться.

Впрочемъ, сорока прилетала ко мнѣ послѣ этого два раза: одинъ разъ черезъ недѣлю послѣ того, какъ улетѣла, а другой—въ концѣ октября. Оба раза она побѣгала за мной по саду, поѣла, пошутила по своему, и улетѣла опять.

Больше я уже не видѣлъ ее никогда.

В. Л. Л.

СТАРЫЙ ОСЕЛЪ.

(БАСНЯ).

Навьючивъ на Осла большую
кладь,
Хозяинъ сталъ его за лѣность
И стало у меня здоровье слабо-
упрекать. вато.
А Осликъ еле шель по тропкѣ
Позтому, хотъ грузъ и не великъ,
пыльной: Но я уже старикъ
Онъ устарѣлъ уже и былъ без-
И сдѣлать большаго не въ силахъ!
сильный,
— „Не выношу упрямецевъ я
И столько, какъ въ былыя времена,
постылыхъ!“
Его спина
Такъ на Осла хозяинъ закричалъ.
Ужъ не могла снести поклажи;
И тутъ-же съ глазъ его прогналъ.
Онъ задыхался даже. — „Ты старъ, сказалъ онъ,—
Хозяинъ гналъ его, сердился и
Мнѣ-то что за дѣло?
ропталъ, Мнѣ это надоѣло!
Но Осликъ ужъ усталъ. Коли труды тебѣ теперъ не въ
— „За что бранишься ты, хо- мочь,
зяинъ милый?“ Такъ убирайся прочь!“
Спросилъ Осель. — „Вѣдь если-бъ
были силы,
Какъ прежде у меня, то я-бъ бѣ-
жалъ бѣгомъ
И ты-бы самъ сидѣлъ на мнѣ
верхомъ.

Такъ иногда и мы прислугъ сво-
ихъ
За то лишъ съ мѣста удаляемъ,
Что въ нужды и въ здоровье ихъ
Поближе вникнуть не желаемъ.

Ирисъ.

О С А Д А.

Генри Твистъ былъ англичанинъ. Онъ еще въ дѣтствѣ былъ привезенъ во Францію и жилъ въ Орлеанѣ. Когда онъ выросъ, то сталъ заниматься торговлей и часто ѣздилъ въ Англiю за товарами, которые продавалъ потомъ въ Орлеанѣ. Онъ былъ англiйскимъ подданнымъ, но никого родныхъ и близкихъ въ Англiи не имѣлъ и чувствовалъ себя во Франціи, какъ дома. Его привязывала тамъ къ себѣ семья его бывшаго хозяина француза Одрана. Онъ служилъ ему вѣрой и правдой, а когда Одранъ умеръ и послѣ него остались его вдова Лисбета и маленькая семилѣтняя дочь Жюли, то онъ счелъ своей обязанностью не разставаться съ ними и помогать имъ, въ чемъ только могъ. Онъ считалъ Лисбету своей второй матерью, а Жюли—сестрой, хотя ему было уже около 25-ти лѣтъ. Лис-

бета осталась послѣ мужа съ хорошими средствами, не отказывала себѣ ни въ чемъ, жила богато, но Твистъ никогда не обращался къ ней за денежной помощью и она это высоко въ немъ цѣнила. Она тоже привыкла къ нему и считала его роднымъ. Онъ каждый день приходилъ къ Одранамъ и игралъ съ маленькой Жюли. Она очень любила его и всякій разъ съ нетерпѣніемъ его ожидала. Когда-же онъ уѣзжалъ въ Англiю за товаромъ, то она скучала по немъ, все время глядѣла въ окошко черезъ крѣпостную стѣну и приглядывалась къ каждому облачку пыли, которое поднималось въ полѣ на дорогѣ.

— Это онъ... шептала она.—Это Генри.— Онъ сейчасъ прiѣдетъ и будетъ со мной играть.

Быль у Лисбеты и другой преданный другъ—старый слуга Люнель. Онъ былъ оруженосцемъ еще при ея покойномъ отцѣ, ходилъ съ нимъ нѣсколько разъ на войну, сражался въ двѣнадцати сраженiяхъ и нѣсколько разъ чуть не умеръ отъ ранъ. Онъ былъ суровъ нравомъ и добръ и простъ сердцемъ, какъ ребенокъ. Онъ нѣжно былъ привязанъ къ маленькой Жюли, готовъ былъ положить за нее свою жизнь, но никогда не умѣлъ сказать ласковаго слова и быть мягкимъ. Когда онъ хотѣлъ приласкаться къ ней, то у него это выходило грубо, и когда хотѣлъ поцѣловать ее, то только колотъ ее въ щеку своими жесткими, какъ у солдата, усами.

— Не надо, дядя-Люнель! отмахивалась отъ него Жюли.—У тебя на лицѣ такая жесткая щетина!.. Мнѣ больно!

И вотъ, когда однажды Генри Твистъ отправился въ Англiю за товаромъ, англичане объявили французамъ войну. Они осадили со всѣхъ сторонъ Орлеанъ, прекратили къ нему подвозъ съѣстныхъ припасовъ и такъ Генри Твистъ и не вернулся обратно. Гдѣ онъ, что съ нимъ случилось—ни Лисбета, ни Жюли не знали и горько о немъ сокрушались.

— Я думаю, что онъ теперь сражается противъ насъ! какъ-то мрачно замѣтилъ Люнель.

— Этого не можетъ быть! горячо возразила Лисбета Одранъ.—Онъ любилъ насъ и выросъ здѣсь во Франціи! У него нѣтъ ничего общаго съ англичанами.

— Но онъ—англійскій подданный... Онъ обязанъ служить въ англійскихъ войскахъ!

Это надрывало сердце Лисбетѣ. Неужели тотъ, кого она считала своимъ роднымъ, и кто всегда былъ такимъ близкимъ человекомъ въ ея домѣ,—и вдругъ сталъ ея врагомъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Генри Твистъ не таковъ, чтобы поднимать оружіе противъ того города, въ которомъ выросъ.

— Но онъ обязанъ!.. проворчалъ Люнель.—Онъ былъ-бы измѣнникомъ своему отечеству, если-бы отказался сражаться сейчасъ противъ насъ! Я его люблю, но онъ—природный англичанинъ и, слѣдовательно, теперь—мой врагъ! Если я встрѣчу его, то я обязанъ его убить!

— Ты не сдѣлаешь этого! воскликнула съ жаромъ Лисбета.—Онъ для меня такъ близокъ, какъ родной сынъ!

И въ то время какъ она, женщина, руководствовалась голосомъ

... Она садилась на овец и начинала отыскивать въ ихъ шерсти жучковъ, козявокъ и паучковъ.
(Къ разсказу «Бѣлобокій другъ»).

Новая книжка.

своего сердца, Люнель, какъ мужчина и старый солдатъ, признавалъ только одно—свой долгъ.

Въ первые-же дни осады городъ Орлеанъ потерялъ большую половину своихъ жителей. Но оставшіеся въ живыхъ даже и не думали о сдачѣ. Скоро сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Но всѣ раздѣлили между собой поровну оставшійся хлѣбъ и продолжали держаться, насколько хватало силъ.

Къ несчастію, осада затянулась на долгіе мѣсяцы. Послѣдній хлѣбъ былъ съѣденъ и для осажденныхъ начались муки голода. Все еще даже и не помышляя о сдачѣ города, они стали ѣсть кошекъ и собакъ, корни деревьевъ и травъ и варить изъ простой сапожной кожи супъ. Но подъ конецъ стали истощаться и эти запасы. Привыкшіе къ лишениямъ солдаты переносили голодъ геройски. Они похудѣли, поблѣднѣли, осунулись, но все еще держались бодро на ногахъ и мужественно отражали приступы неприятеля. Наоборотъ, простые мѣстные граждане выбивались изъ силъ и было жалко на нихъ глядѣть. Не было дома, гдѣ не умиралъ-бы отъ голода человекъ: тамъ — старый, здѣсь—новорожденный ребенокъ. Богатый умиралъ такъ-же, какъ и бѣдный. За горсть муки предлагали цѣлыя мѣшки съ золотомъ, но никто не соглашался.

— Ъсть, ѣсть!.. раздавались голоса.—Дайте намъ хлѣба!..

Но не только мѣшокъ золота, а все свое имущество, свою жизнь, свою кровь отдала-бы Лисбета Одранъ, чтобы только поддержать жизнь умиравшей маленькой Жюли. У нея была прекрасная обстанов-

ка, ея сундуки были полны денегъ, у нея самой было много фамильныхъ брилліантовъ. Ея роскошный домъ примыкалъ какъ разъ къ городской стѣнѣ и черезъ ея зубцы она каждый день видѣла всѣ ужасы войны. Для нея не составляло тайны, что врагъ былъ силенъ и что рано или поздно городъ будетъ ему сданъ. А какъ еще недавно ей всѣ завидовали! Несчастливая мать! У нея было все и не доставало только одного—крошки хлѣба. Безъ этого хлѣба ея единственная, любимая дочь лежала въ безсиліи въ своей постелькѣ, часто бредила и вотъ-вотъ готова была разстаться съ жизнью. Умереть такъ рано, въ восемь лѣтъ, когда такъ нужно было бы смѣяться и прыгать отъ счастья,—какая несправедливость судьбы! И чѣмъ виновата она, это маленькое, прекрасное существо, что въ чемъ-то не поладили между собою мужчины и уничтожаютъ теперь другъ друга? Вчерашніе друзья, они стали теперь врагами и бьются не на жизнь, а на смерть. И вмѣстѣ съ павшими въ бою умираютъ и мирные жители отъ голода. Лисбета Одранъ не могла этого выносить и часто выходила въ сосѣдную комнату, чтобы поплакать тамъ и помолиться за Жюли.

— Мама, вдругъ послышался слабый голосокъ пришедшей въ себя Жюли.—Что это тамъ за шумъ?

— Это сражаются у стѣнъ нашего города... отвѣтила мать.

— А этоъ звонъ?..

— Это звонятъ въ колокола... Люди идутъ въ церкви, чтобы просить у Бога побѣды...

— А какой сегодня день?

— Вербное воскресенье, милочка. Сегодня большой праздникъ...

Лицо дѣвочки вдругъ оживилось, глаза радостно заблестали. Она приподнялась на локоть и весело посмотрѣла на мать. Эта ея веселость на блѣдномъ, исхудавшемъ личикѣ показалась матери страшной.

— А помнишь, мамочка, заговорила дѣвочка, — какой обѣдъ у насъ былъ въ этотъ день въ прошломъ году? Я все отлично помню. У насъ былъ вкусный-вкусный супъ, потомъ подавали большую рыбу, такъ что съ блюда свѣшивались ея хвостъ и голова, и затѣмъ баранину.

Лицо дѣвочки вдругъ избороздили муки голода, она разомъ потеряла самообладаніе и уже закричала во весь голосъ, какъ лишившаяся разсудка:

— Я баранины, баранины хочу! Дайте мнѣ сейчасъ-же баранины!

Она залилась слезами, опять упала на подушку и лишилась чувствъ. Сама голодная, мать опустилась передъ ея кроватью на колѣни и обняла ее.

— Но что-же я могу для тебя сдѣлать, Жюли? отвѣтила она съ грустью. — Вѣдь во всемъ домѣ у насъ нѣтъ ни одной крошки хлѣба!.. Я хочу ѣсть сама...

И она положила голову на тѣло своей дочери и впала въ забытье и сама.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ старый Люнель. Увидѣвъ свою госпожу у кровати своей любимицы, онъ подошелъ къ ней и тихонько потрогалъ ее за плечо. Лисбета Одранъ подняла голову.

— Еще не умерла? спросилъ

онъ. — Есть еще надежда, что она проживетъ еще два часа?

— Не знаю... отвѣтила мать.

— Я слышалъ, какъ она сейчасъ просила баранины, и я постараюсь ей ее достать!

— Гдѣ-же? Гдѣ? вскочила на ноги Лисбета Одранъ. — Гдѣ ты можешь достать для нея пиццу?

— Я отправлюсь сейчасъ къ англичанамъ и возьму у нихъ.

— Но вѣдь они тебя убьютъ или возьмутъ тебя въ плѣнъ! Вѣдь ты идешь туда одинъ!

— Я не могу видѣть страданій этой дѣвочки. Я ее люблю, какъ отецъ. Лучше я умру, чѣмъ буду оставаться здѣсь. Прощайте!.. Если не вернусь, то помолитесь за меня!

И онъ направился къ двери.

Лисбета Одранъ его вернула.

— Поцѣлуй ее, обратилась она къ нему. — Простись съ ней и, быть можетъ, навсегда...

Люнель угрюмо усмѣхнулся.

— Кто знаетъ!.. отвѣтилъ онъ. — Если хотите, то поцѣлуйте ее за меня. Она не любила, когда я ее цѣловалъ.

И онъ вышелъ изъ комнаты. Онъ взобрался на городскую стѣну и заглянулъ съ нея внизъ между двухъ зубцовъ. Солнце уже сѣло, спустился вечеръ. Въ природѣ было великолѣпно. Распѣвали передъ сномъ скворцы и тамъ и сямъ виднѣлись бывшіе въ полномъ цвѣту сады. Вдалекѣ текла рѣка, въ которой отражался розовый закатъ, а за нею тянулись лѣсныя дали, уходившія за горизонтъ. Внизу лагеремъ расположились англичане. Послѣ только-что бывшей вылазки они остались побѣдителями и теперь отдыхали около

своихъ шатровъ. У каждаго изъ нихъ дымился костеръ и на немъ варился ужинъ. Голубоватый дымъ стлался по землѣ и вмѣстѣ съ порывами вѣтерка до Люнеля долеталъ и запахъ вкусной пищи. Врагъ готовилъ ужинъ. Тогда еще не было пушекъ и ружей, люди сражались въ рукопашную и враги подходили къ самымъ стѣнамъ и располагались подъ ними лагерь.

— Ёдятъ... проговорилъ Люнель съ горечью.— У нихъ все есть, а у насъ нѣтъ ничего. Несчастливая Жюли умираетъ съ голоду, а около нихъ вонь вертятся собаки и получаютъ свои подачки...

И, топнувъ ногой, онъ нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по городской стѣнѣ.

Совсѣмъ уже свечерѣло. Темныя стѣны потянулись по землѣ, закатъ совершенно погасъ, замолкли птицы и въ лагерѣ у враговъ все погрузилось въ покой. Всѣ легли спать и замолчали. Только перекликались между собой рѣдкіе часовые.

— Теперь пора! проговорилъ Люнель.

Онъ досталъ длинную веревку, прикрѣпилъ одинъ ея конецъ къ зубцу стѣны, а другой сбросилъ по другую ея сторону и сталъ спускаться по ней внизъ.

Теперь онъ уже во власти враговъ. Его ноги достигли земли и если теперь его схватятъ, то ему уже не будетъ пощады.

Голодный, еле держась на ногахъ и все еще думая о Жюли и объ ея матери, онъ направился къ первому еще горѣвшему около палатки огоньку.

— Кто идетъ? окликнулъ его часовой.

— Свои! отвѣтилъ онъ по-англійски, и безпрепятственно пошелъ далѣе.

По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ палаткѣ, ютившейся въ ней солдатъ, повидимому, тоже уже укладывался на ночлегъ. Онъ потушилъ огонь, взявъ что-то съ костра, повѣсилъ на сучокъ ближайшаго дерева и вошелъ къ себѣ въ палатку.

— Ну, теперь готово! сказали онъ самому себѣ. Этого съ меня хватитъ на цѣлые два дня!

Люнель подошелъ къ дереву и увидѣлъ, что это была только что изжаренная ножка баранины. Это то, чего такъ хотѣла Жюли. Онъ схватилъ ее, откусилъ отъ нея кусочекъ и утолилъ имъ немного свой голодъ; затѣмъ онъ завернулъ жаркое въ платокъ и направился обратно къ городу.

— Это не хорошо... проговорилъ онъ, вдругъ остановившись.— Я никогда ничего не воровалъ даже у врага...

И возвратясь къ палаткѣ, онъ крикнулъ по-англійски:—

— Эй ты! Кто тамъ! Выходи сюда! Я— французъ. Я взялъ твою баранину для умирающей отъ голода дѣвочки и ея матери. Если ты хочешь, то давай сразимся и, быть можетъ, тебѣ удастся меня убить!

Изъ палатки выскочилъ молодой англичанинъ. Онъ выхватилъ мечъ и, увидѣвъ передъ собой француза бросился на него и приготовился его ударить.

— Стой! крикнулъ Люнель.— Сражаться умѣю и я!

Но молодой человекъ тутъ-же опустил свой мечъ и отступилъ назадъ.

— Люнель... проговорилъ онъ.— Дорогой мой!.. Какими судьбами?

— Генри Твистъ!.. обрадовался и Люнель.— Мой милый мальчикъ!

И, бросивъ мечи, они оба обнялись и горячо поцѣловались.

Оба враги, но искренно любившіе другъ друга и обрадовавшіеся своему неожиданному свиданію,— что они могли сдѣлать другое? Какъ иначе могли они поступить?

Боясь, какъ-бы ихъ не замѣтили часовые, Генри Твистъ повелъ Люнеля къ себѣ въ палатку. Тамъ они просидѣли съ четверть часа, въ которые Люнель успѣлъ рассказать своему молодому другу, о страданіяхъ Лисбеты Одранъ и маленькой Жюли. По щекамъ у Твиста текли слезы.

— Знаешь, что? вдругъ сказалъ онъ.— Я сейчасъ отправлюсь къ нимъ вмѣстѣ съ тобой!

Люнель замахалъ на него руками.

— Но это будетъ измѣна! зашепталъ онъ.— Вѣдь ты-англичанинъ и нашъ врагъ! По настоящему ты долженъ былъ-бы меня сейчасъ убить!

— Госпожу Одранъ я считаю своей второй матерью, а Жюли—сестрой! отвѣтилъ такъ-же шопотомъ Генри.— Я ихъ люблю, какъ своихъ. Я сирота и она и ея покойный мужъ воспитали меня!

— И все-таки мы теперь съ тобою враги! со вздохомъ продолжалъ Люнель.— Я долженъ былъ-бы тебя убить, но у меня не хватаетъ силъ. Я люблю тебя.

— Я тебя тоже...

Люнель протянулъ къ Генри руку и они обмѣнялись горячимъ рукопожатіемъ.

— Теперь пора! сказалъ Люнель.— Прощай.

И онъ вышелъ изъ палатки. Твистъ послѣдовалъ за нимъ.

— Кто идетъ? снова окликнулъ часовой.

— Свои! отвѣтилъ Генри.

Часовой не разобралъ въ темнотѣ одежды Люнеля и подошелъ къ Генри Твисту. Увидѣвъ, что это-англичанинъ, онъ почтительно поклонился и отошелъ обратно на свое мѣсто.

Они подошли къ стѣнѣ, на которой все еще висѣла веревка. Люнель взялся за нее обѣими руками. Но подниматься по ней было теперь гораздо труднѣе, чѣмъ спускаться. Люнель былъ уже старъ и ослабленъ долговременнымъ голодомъ. У него не хватало для этого силъ. Въ отчаяніи онъ скорбными глазами поглядѣлъ на Генри Твиста.

— Что-же теперь дѣлать? спросилъ онъ.— Вѣдь каждую минуту она можетъ тамъ безъ меня умереть! Я не въ силахъ подняться наверхъ. Я старъ и ослабѣлъ... Что теперь дѣлать?

Генри Твисту сразу представилась картина, какъ теперь бѣдная Жюли лежитъ на постели, недвигаясь отъ голода, и какъ около нея страдаетъ ея мать. Сердце его облилось кровью и онъ въ первую минуту не зналъ, что дѣлать.

— Вотъ что! сказалъ онъ наконецъ.— Я молодъ, крѣпокъ и здоровъ. Давай сюда баранину и хлѣбъ! Я полѣзу по этой веревкѣ и, взобравшись на стѣну, подниму и тебя! Скорѣй!

И онъ схватилъ изъ рукъ Люнеля веревку.

— Безумецъ, что ты хочешь дѣ-

лать? воскликнулъ старикъ.—Вѣдь тогда ты будешь измѣнникомъ! Вѣдь ты поможешь своему врагу! Тебя казнятъ.

Но молодой человѣкъ не слушалъ. Быстро, какъ кошка, онъ взобрался на стѣну, оправился и крикнулъ внизъ:

— Держись!

Старикъ обвязалъ вокругъ себя веревку и Генри медленно сталъ его втаскивать на верхъ.

А въ это время внизу уже бѣгали часовые, били тревогу и зажигали огни. Они замѣтили побѣгъ Генри и Люнеля, бросились къ стѣнѣ, но было уже поздно.

— Измѣна! Измѣна! кричали они.— Два нашихъ англичанина бѣжали въ городъ къ врагу!

Прямо со стѣны Люнель и Генри Твистъ отправились къ Лисбетъ Одранъ. Было уже совсѣмъ темно, когда они вошли къ ней въ ту комнату, въ которой лежала Жюли. Дѣвочка по прежнему находилась взабытыи и около нея все такъ-же стояла на колѣняхъ ея мать, положивъ голову на ея тѣльце. Горѣлъ небольшой огонекъ и освѣщалъ только этотъ уголокъ всей большой комнаты.

Мужчины близко подошли къ кроваткѣ. Мадамъ Одранъ не шевельнулась.

— Мадамъ Одранъ! окликнулъ ее Люнель.

Она подняла голову. Увидѣвъ его и Генри, она вскрикнула отъ радости и пошатнулась. Генри бросился къ ней и поддержалъ ее.

— Жюли! Жюли! кинулась она къ дочери.— Очнись! Открой глазки! Ты погляди, кто къ намъ пришелъ!

И она стала ее тормошить. Жюли

открыла глаза, увидала передъ собой Генри и улыбнулась. Она хотѣла броситься къ нему, но у нея не хватило силъ.

— Баранины хочу!.. проговорила она сухимъ голосомъ.— Дайте мнѣ баранины!

Люнель протянулъ къ ней мясо и хлѣбъ.

При видѣ ѣды было забыто все. Мать и дочь вскрикнули отъ радости и алчно принялись за ужинъ...

Полчаса спустя, Жюли уже щебетала, какъ птичка, и висла на Генри. Онъ ласкалъ ее, какъ родную младшую сестру. Муки голода прошли, пережитыя несчастія казались ушедшими куда-то далеко, далеко и въ домъ Лисбетъ Одранъ снова заулыбалось счастье.

Но всему бываетъ конецъ. На соборной башнѣ пробило полночь, и Генри Твистъ поднялся и сталъ прощаться.

— Ты куда-же, Генри? обратилась къ нему мадамъ Одранъ.

— Къ англичанамъ, къ себѣ... мрачно отвѣтилъ Генри.

— Развѣ ты не будешь у насъ ночевать?

— Нѣтъ, я пойду противъ васъ сражаться...

— И ты будешь насъ убивать? Генри глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.— Я буду искать смерти для себя...

Наступило глубокое молчаніе. Всѣ поняли, что Генри дѣйствительно долженъ былъ возвратиться къ своимъ, иначе онъ оказался-бы измѣнникомъ. Молча простились, молча пролили слезы, и онъ ушелъ. Люнель зажегъ фонарь и отправился его провожать.

Когда Люнель возвратился, то его лицо было мрачно.

— Что случилось? съ тревогой спросила его мадамъ Одранъ.

— Генри Твиста схватили... угрюмо отвѣтилъ Люнель.—Когда онъ спустился, то я видѣлъ, какъ къ нему подбѣжали часовые и схватили его. Теперь, вѣроятно, его сочтутъ за измѣнника и казнятъ...

— Какъ казнятъ? испугалась Жюли.—За то, что онъ былъ у меня? Нѣтъ, этого не можетъ быть!

Ея мать и Люнель глубоко вздохнули. По этому ихъ вздоху дѣвочка поняла, что положеніе дѣйствительно серьезно, и разрыдалась.

— Я не допущу этого! сказала она.—Я сейчасъ же должна его спасти!

— Дитя мое, успокойся! обратилась къ ней мать.—Ты еще маленькая.

Но дѣвочка ничего не хотѣла слушать.

— Я пойду, пойду! кричала она и билась объ полъ.—Я заступлюсь за него, я буду за него просить! Онъ игралъ со мной, онъ спасъ мнѣ жизнь. Я такъ имъ и скажу, что онъ былъ только у насъ!

И чѣмъ больше доказывали ей Люнель и ея мать всю бесплодность ея воплей и намѣреній, тѣмъ все настойчивѣе она рвалась къ стѣнѣ, чтобы спуститься съ нея и отправиться на помощь къ Генри. Наконецъ мать выбилась изъ силъ.

— Такъ угодно Богу! проговорилъ Люнель.—Отпустите ее, мадамъ Лисбетъ!

Мадамъ Одранъ уже больше не возражала. Она безумно любила свою дсчъ, вся была въ ея власти и больше уже не находила словъ,

чтобы ее удержать. Она только бросилась къ дѣвочкѣ, обняла ее, перекрестила и, залившись слезами, выбѣжала въ другую комнату.

Люнель опять зажегъ фонарь и, взявши Жюли за руку, вышелъ съ нею изъ дома. Они поднялись на городскую стѣну. Былъ уже второй часъ ночи и на востокѣ чуть-чуть алѣлась узенькая полоска предстоящаго весенняго разсвѣта. Тамъ и сямъ у осаждавшихъ курились огоньки. Было прохладно.

— Обхвати меня за шею! обратился къ дѣвочкѣ Люнель.—Вотъ такъ! Держись!

И обнявъ Жюли одной рукой, а другой держась за веревку, старый солдатъ сталъ снова спускаться со стѣны. Добравшись до земли, онъ взялъ дѣвочку за руку и, освѣщая себѣ дорогу, направился съ нею къ лагерю.

— Кто идетъ? окликнула его стража.

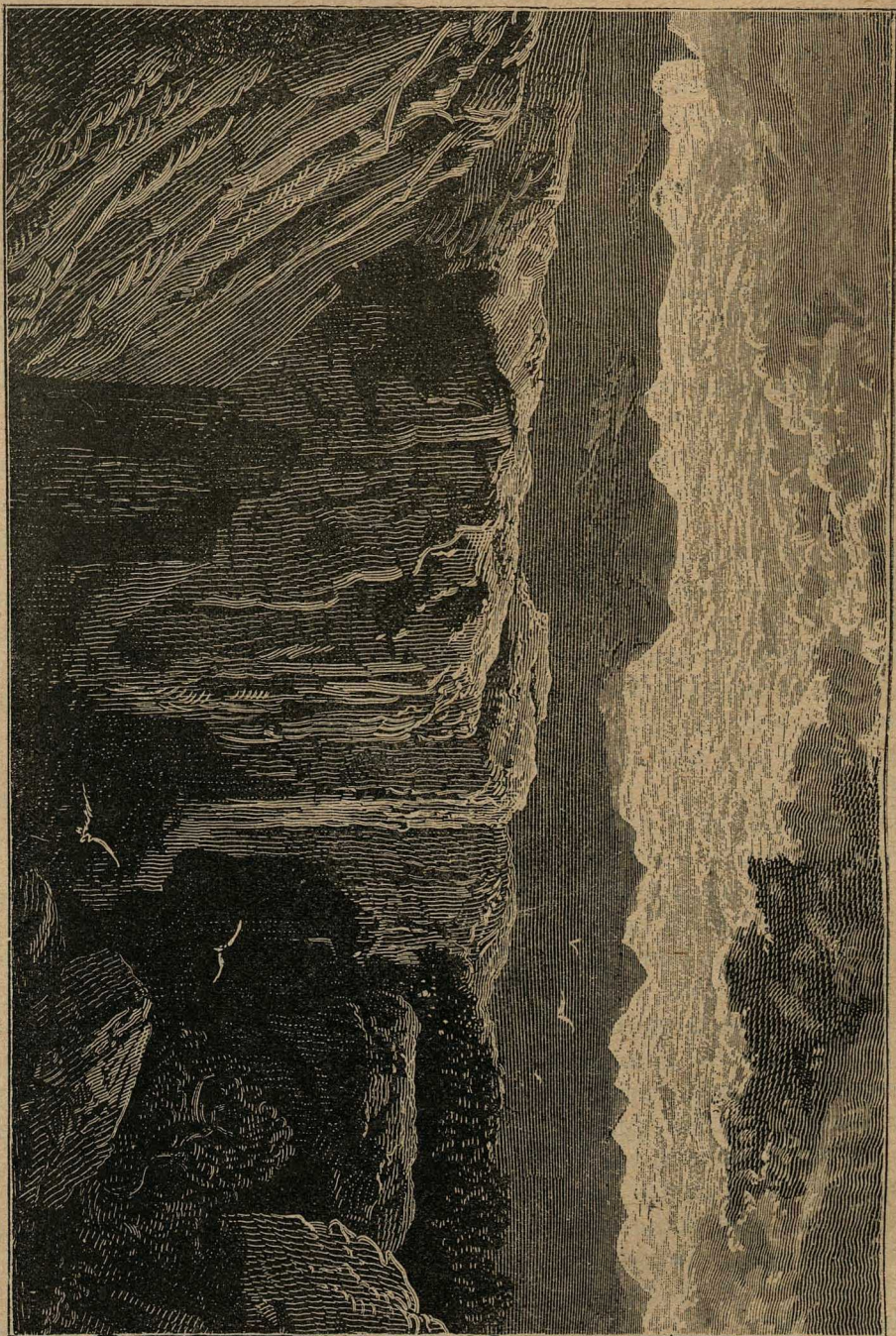
— Дѣвочка, у которой вы отняли сейчасъ брата! отвѣтилъ Люнель.— А я—ея старый слуга.

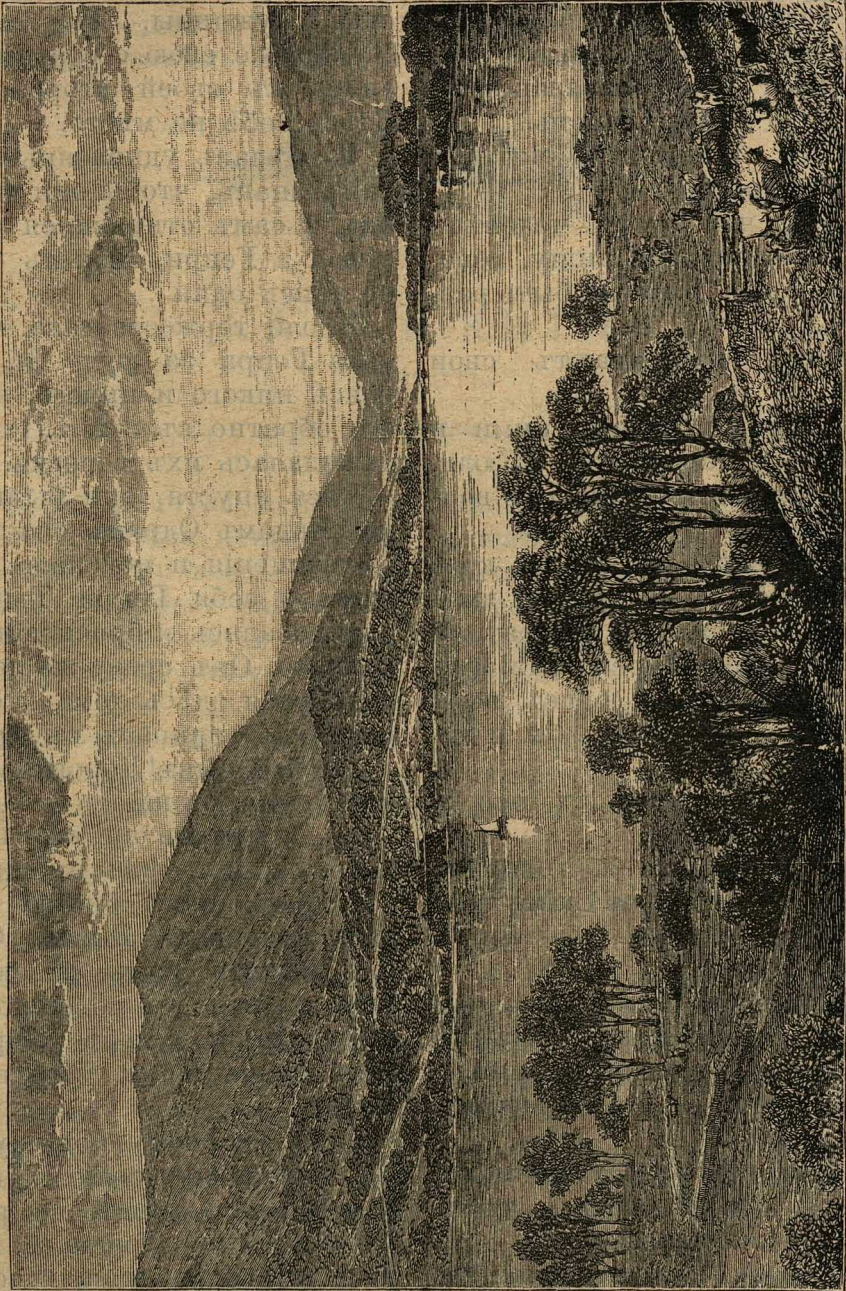
Присутствіе маленькой дѣвочки въ лагерѣ показалось часовымъ настолько необычнымъ, что не возразивъ ни слова, они пропустили Жюли и Люнеля далѣе. Миновавъ цѣпь часовыхъ они шли уже свободно черезъ весь обширный лагерь.

Свѣтало. Пробуждались солдаты и пытливыми взорами оглядывали проходившихъ.

— Гдѣ сейчасъ находится Генри Твистъ? спрашивалъ у нихъ по дорогѣ Люнель.—Вотъ его сестра. Онъ осужденъ—и она пришла съ нимъ проститься.

Уррюмья мѣста.

На тихомъ озерѣ.

— Идите далѣе! указывали ему солдаты.—Вонъ туда!

Разсвѣтъ. Барабанный бой. Нѣсколько солдатъ выводятъ какого-то человѣка со скрученными назадъ руками и съ завязанными глазами. Это Генри Твистъ.

Выходитъ офицеръ и читаетъ надъ нимъ приговоръ.

— За то, что этотъ человѣкъ носилъ осажденнымъ пищу, говорить онъ, — онъ долженъ быть разстрѣлянъ.

И солдаты натягиваютъ свои луки.

Въ эту минуту между ними и осужденнымъ бросается Жюли. Глаза ея сверкаютъ. Она отъ волненія дрожитъ.

— Вы не сдѣлаете этого! кричитъ она.—Я его сестра, я умерла съ голоду и онъ возвратилъ мнѣ жизнь. Мнѣ и моей мамѣ! Онъ принесъ намъ ѣды и спасъ насъ обѣихъ! Такъ поступилъ-бы и дикій звѣрь!

Офицеръ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.

— Успокойся, милая, говоритъ онъ,— и уходи отсюда! Здѣсь тебѣ не мѣсто! Вы—наши враги и онъ помогаль врагамъ!

Дѣвочка посмотрѣла на него большими и удивленными глазами.

— Враги?... промолвила она.—Онъ мой врагъ? Этого не можетъ быть никогда!

И, бросившись къ осужденному, она обняла его за шею и тѣсно къ нему прижалась.

— Всѣ люди—братья! крикнула она.—Убивайте-же насъ обоихъ!

Офицеръ подумаль, и, точно на что-то рѣшившись, вдругъ подопелъ къ осужденному и сорвалъ съ его глазъ повязку.

— Всѣ люди—братья!.. повторилъ и онъ.—Эта маленькая дѣвочка правѣе, чѣмъ всѣ мы, взрослые мужчины. Ты свободенъ! Возьми-же свою сестру и отправляйся къ своей второй матери! Здѣсь тебѣ не мѣсто.

И сдѣлавъ удивленнымъ солдатамъ знакъ, чтобы они удалились, онъ и самъ отправился вслѣдъ за ними, а Генри, Люнель и Жюли остались одни...

Жюли торжествовала. Она схватила Генри за руку и, уже не боясь никого и ничего, потащила его обратно къ стѣнѣ, гдѣ все еще дожидалась ихъ веревка.

Часъ спустя, они были уже дома. Мадамъ Одранъ ожидала ихъ возвращенія и не спала. Увидавъ снова у себя Генри Твиста, она обрадовалась и бросилась къ нему на шею. Онъ сразу-же почувствовалъ себя здѣсь дома и съ благоговѣніемъ припалъ къ ея рукѣ.

— Мой сынъ! Дорогой мой сынъ! воскликнула она.

— О, моя милая вторая мать!.. только и могъ онъ произнести.

А около нихъ бѣгала и суетилась маленькая Жюли. Она уже въ десятый разъ рассказывала, какъ спустилась со стѣны и какъ побывала въ лагерьѣ у враговъ, а мать безуспѣшно укладывала ее спать.

А въ узорчатая окна уже смотрѣло ласковое солнце, и Генри вдругъ стало казаться страннымъ, что никто не обращаль вниманія на его красоту и на красоту всей природы и что гдѣ-то происходили ссоры, осады и одни старались выморить голодомъ другихъ.

И вспомнивъ вдругъ, что происходило всего только два-три часа

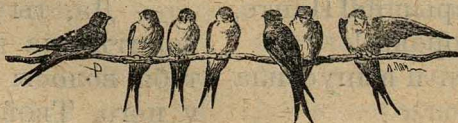
тому назадъ, онъ повторилъ слова, которыя сказала офицеру маленькая Жюли:—

„Всѣ люди братья!“

Онъ обнялъ затѣмъ дѣвочку,

поцѣловалъ ее, схватилъ ее на руки и вышелъ съ нею на балконъ, гдѣ еще ярче и прекраснѣе блистало солнце.

Съ французскаго. По J. Durgel.

КАТЯ и КИТИ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Когда Катя проснулась, то было уже утро. Щebetали птицы и во всей природѣ было весело и ласково. Катя привыкла рано вставать и тотчасъ-же вскочила и одѣлась. Было семь часовъ утра. Такъ какъ всѣ въ домѣ еще спали, то она сѣла на подоконникъ и стала ожидать, когда можно будетъ выйти и побѣгать. Передъ нею стояли стройныя розы, цвѣтъ пышный жасминъ и вились посыпанныя пескомъ дорожки, а она глядѣла на нихъ не мигая, и думала о своемъ домѣ. Что-то теперь дѣлаютъ мама, няня и Пулька съ Пушистой? Сейчасъ утро. Наверное, мама еще спитъ. Няня теперь ставитъ самоваръ или мелетъ кофе. Пришелъ дворникъ Григорій, напился въ кухнѣ чаю и ушелъ... Затѣмъ проснулась мама и вышла въ пеньюарѣ въ кухню... Милая, милая, дорогая мама!

Кругомъ тихо... Точно эта усадьба графини—заколдованный замокъ спящей царевны. Но вотъ вышелъ садовникъ и изъ пожар-

ной кишки полилъ дорожки и ушелъ. Вотъ гдѣ-то хлопнули дверью, а вотъ въ коридорѣ уже раздались и чьи-то шаги. Катя соскочила съ подоконника и заглянула въ коридоръ. Тамъ горничная Настя обмахивала щеткой изъ перьевъ маленькій столикъ. Увидѣвъ Катю, она удивилась и воскликнула:—

— Такъ рано? Ужъ встала и одѣта? Вотъ ранняя птичка! Ну, барышня Кити — тѣ любятъ поспать!

— Я привыкла вставать рано! отвѣтила Катя и по привычкѣ цѣловать каждое утро свою няню, подошла къ Настѣ и поцѣловала ее въ щеку.

Горничная смутилась.

— Да, что вы, что вы, барышня, сказала она. — Развѣ это можно?

— Что можно?

— Да вотъ это самое!.. Вѣдь я горничная!..

И кинувъ въ сторону свою щетку, она въ свою очередь бросилась къ Катѣ, обняла ее и поцѣловала въ плечо, а потомъ оглядѣлась по

сторонамъ и, убѣдившись, что никто не глядитъ, горячо поцѣловала Катю въ губы.

— Мнѣ бы хотѣлось выйти... сказала Катя. — Можно? Мнѣ хочется побѣгать!

— Пожалуйста, барышня! Идите, бѣгайте тамъ на здоровье!

Она отперла дверь и выпустила Катю въ садъ.

Почувствовавъ свободу, Катя радостно, чисто по-дѣтски, стала бѣгать по дорожкамъ. Ее занимало все: и новыя породы деревьевъ, и жаркое солнце, и цвѣты, и просвѣчивавшій сквозь деревья громадный прудъ, по которому плавали бѣлые и черныя лебеди. Затѣмъ появляется все та же горничная Настя. На ней уже черное обтянутое платье, бѣлая накладка и бѣлый кружевной передникъ.

— Барышня, пожалуйста кофе пить! зоветь она Катю.

Катя хватаетъ ее подъ руку и обѣ вмѣстѣ онѣ бѣгутъ въ домъ.

— Пожалуйте въ столовую, говоритъ Настя. — Вы будете кушать кофій однѣ. Барышня Кити и ея мама будутъ кушать кофій въ своихъ постеляхъ.

— Въ постеляхъ! восклицаетъ Катя со смѣхомъ. — Да развѣ-жъ можно пить кофе въ постеляхъ!

И все еще хохоча, она сбрасываетъ съ себя шляпу и садится за столъ.

— Здравствуй, Катя! вдругъ слышится изъ глубины столовой голосъ.

Она оборачивается и вдругъ къ ужасу своему видитъ графиню. Веселость сразу слетаетъ съ нея и она сразу-же дѣлается серьезной.

— Подойди ко мнѣ, милая, говоритъ графиня.

Катя робко подходитъ къ бабушкѣ. Графиня притягиваетъ ее къ себѣ и долго смотритъ на дѣвочку.

— Да, ты на него похожа... говоритъ она наконецъ. — Только у тебя волосы не такіе, какъ были у него. Твой папа былъ брюнетъ...

— У меня волосы такіе-же, какъ и у мамы! быстро отвѣтила Катя. — Такіе же мягкіе! Няня говоритъ, что у кого волосы мягкіе, тотъ добрый. И моя мама добрая, добрая!

Графиня улыбнулась.

— Ну, садись завтракать, сказала она, — а потомъ пойдемъ, я тебѣ покажу цыплятокъ!

Графиня ласково потрепала Катю по щекѣ, налила ей кофе и подала ей. Затѣмъ она сама-же намазала ей масла на хлѣбъ и сказала:

— Ъшь побольше! Тебѣ надо расти!

И она уже не стала почему-то казаться Катѣ такою страшною, какою была для нея до сихъ поръ.

— Это хорошо, что ты рано встаешь, сказала графиня. — Это здорово, и я это люблю. Твой папа тоже любилъ рано вставать. Ну, что, закушались? Кончила?

— Кончила.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ!

— Графиня взяла корзинку для яицъ и онѣ вышли въ садъ. Когда онѣ проходили по его дорожкамъ, графиня спросила Катю:—

— Ты помнишь своего папу?

— Да, отвѣтила Катя. — Онъ часто сажалъ меня къ себѣ на колѣни и рассказывалъ мнѣ сказки.

— Онъ говорилъ тебѣ когда-нибудь обо мнѣ?

— Всегда. Каждый день.

— Что-же онъ говоритъ?

— Что вы замѣняли ему родную мать, и что его очень огорчаетъ, что онъ не могъ васъ видѣть.

Дѣвочка вдругъ умолкла, замѣтивъ, что лицо графини сразу опечалилось.

— И тогда мама всякій разъ утѣшала его, прибавила она, по молчавъ немного.

Графиня вздохнула. Затѣмъ онѣ долго молчали.

— Ты любишь свою маму? спросила графиня наконецъ.

— Очень съ жаромъ отвѣтила Катя.—Я думаю о ней каждую минуту. Безъ нея я не могу жить!

Графиня покачала головой и подумала:

„Какая искренняя, нѣжная дѣвочка!“

А потомъ она обняла дѣвочку за плечи, поцѣловала ее въ лобъ и такъ онѣ отправились, обнявшись, на задній дворъ смотрѣть цыплятъ. Едва только онѣ пришли въ птичникъ, какъ ихъ тотчасъ же обступили куры, цыплята, утки и гуси, которые клохтали, кричали и гоготали во всю мочь. Очень любившая животныхъ, Катя стала отъ радости кричать.

— Ты боишься? спросила ее графиня.

— Нѣтъ, это я отъ радости, отвѣтила Катя.—Ужасъ, какъ я люблю домашнее хозяйство!

Покормили птицъ и отправились къ коровамъ. Все время графиня улыбалась.

— А телятки у васъ, бабушка, есть? спросила Катя.

— Есть, отвѣтила графиня, отворяя хлѣвокъ.—Вотъ тебѣ и телятки! Дѣвочка тотчасъ же бросилась

къ нимъ и стала ихъ обнимать за шеи и цѣловать въ лбы.

— Да ты, я вижу, настоящая деревенская жительница! воскликнула графиня.—Ты никогда не жила въ деревнѣ?

— Нѣтъ, но у насъ есть своя корова, куры и теленокъ. Я каждый день встаю какъ можно раньше и кормлю ихъ сама. Они всѣ такіе славные, и я такъ ихъ всѣхъ люблю!

— Вотъ какъ! улыбалась графиня.—А вотъ наша Кити боится къ нимъ даже и подойти.

— Она—знатная дѣвочка, отвѣтила Катя,—а я деревенщина. Мнѣ такъ мама часто и говоритъ:—„Ты, Катя, растешь у меня, какъ деревенщина!“

Графиня разсмѣялась.

— Кромѣ того, Кити боится здѣсь испачкать свои туфли и платья, продолжала графиня.

— Да это и понятно, просто отвѣчала Катя.—У нея они не такая дрянь, какъ у меня.

— А ты хотѣла-бы имѣть лучше?

— Нѣтъ, это стало-бы меня стѣснять. Теперь я бѣгаю, куда захочу, и могу даже играть съ свиньей, а тогда я боялась-бы за свои костюмы и скучала-бы..

Катя схватила по дорогѣ маленькаго подвернушагося поросячка на руки и стала его ласкать. Онъ визжалъ такъ, точно его хотѣли рѣзать. Она громко хохотала.

— Ну, пойдѣмъ! сказала графиня.—Оставь его!

Ей доставляло удовольствіе увлеченіе Кати, и поэтому она нарочно сдѣлала большой кругъ, чтобы удлинить прогулку. Когда-же онѣ вернулись домой, то было уже

десять часовъ. Клавдія Сергѣевна и Кити уже встали и сидѣли въ гостиной.

— А мы были сейчасъ на заднемъ дворѣ! сказала графиня.— Катя кормила куръ и обнимала телятъ и поросенка! Ей было это очень интересно! Только у меня и сейчасъ еще стоитъ въ ушахъ визгъ поросенка.

Она улыбнулась.

— Очень сожалѣю, что съ вами не можетъ ходить также и Кити, сказала Клавдія Сергѣевна.— Крикъ гусей и куръ раздражаетъ ей нервы.

Кити опустила глаза и глубоко вздохнула.

— Да, у меня очень слабые нервы... сказала она.

Бабушка насмѣшливо посмотрѣла на нее и сѣла за рабочій столикъ. Долго всѣ молчали. Клавдія Сергѣевна и Кити недружелюбно поглядывали на Катю.

Прошло одиннадцать часовъ. Катя вспомнила, что мама строго наказывала ей не пропускать ни одного дня и играть на фортепiano. Это былъ ея обычный часъ игры. Она помялась немного, ей было неловко, но она скоро осмѣлилась и спросила:

— Бабушка, можно мнѣ поиграть сейчасъ на роялѣ?

— Сдѣлай одолженіе, дитя мое, съ готовностью отвѣтила графиня.— Пойди въ библіотеку, тамъ стоитъ старый рояль. Сядь за него, и барабань на немъ, сколько тебѣ угодно.

Катя сбѣгала къ себѣ за нотами и усѣлась за музыку. Когда она заиграла, то г-жа Покотилова встала съ дивана и многозначительно затворила дверь изъ гостиной въ библіотеку.

— У моей Кити очень слабые нервы, сказала она.— Она не любитъ, когда громко играютъ или поютъ.

Катя вся была въ свою мать. Она ни минуты не могла оставаться безъ дѣла. Выросшая въ одиночествѣ, безъ сверстниковъ, она поневолѣ должна была сама себя занимать и потому въ ней образовалась привычка всегда что-нибудь дѣлать. Такъ и теперь. Окончивъ музыку, она присѣла около бабушки и стала рисовать. Рисовала она плохо, но все-таки рисованіе ее занимало.

— Это мой Пулька, показала она бабушкѣ, а это Пушистка.

— Это кто-же такіе? спросила графиня.— Какіе это звѣри?

— Это моя собака, а это моя кошка!

— Нарисуй мой портретъ!

— Хорошо, бабушка, только у меня ничего не выйдетъ!

— А ты попробуй!

Катя нарисовала и смѣло показала бабушкѣ. Та громко, долго и весело хохотала.

— Ну, ужъ и бабушка-же у тебя! повторяла она сквозь слезы.— Носъ-то, носъ-то у нея какой! Да это птица какая-то, а не бабушка! Ай-да бабушка!..

Катѣ стало неловко. Чтобы ободрить ее, графиня обратилась и къ Кити:

— Кити, сказала она,— иди и ты нарисуй меня! Кто изъ васъ лучше меня нарисуетъ?

— Я не умѣю! коротко отвѣтила Кити.

— А ты иди, поучись!

— Мнѣ не нужно учиться.

— Почему?

— Мнѣ никогда не придется быть учительницей въ школѣ.

Графиня сразу-же сдѣлалась серьезной.

— Какъ знать, моя дорогая? сухо сказала она.—Судьба капризна. Но не будемъ говорить объ этомъ. Пойдемте лучше завтракать. Уже время.

Всѣ направились въ столовую. Когда онѣ вошли туда, то тамъ уже сидѣлъ батюшка Знаменской церкви о. Арсеній и разговаривалъ съ мадамъ Ожье. При появленіи графини онъ поднялся и благословилъ ее. Графиня набожно поцѣловала ему руку.

— А это чья барышня? спросилъ о. Арсеній, указавъ на Катю.

— Это моя вторая внучка Катя, отвѣтила графиня.—Дочь покойнаго Николая...

— Николая Петровича? радостно воскликнулъ батюшка.— Да вѣдь я его еще мальчикомъ зналъ!

И схвативши Катю подмышки, онъ высоко приподнялъ ее отъ пола и поцѣловалъ.

— Какая ты славная, сказалъ онъ, — да какая хорошая!

Онъ опять поцѣловалъ Катю въ обѣ щеки и спустилъ ее на полъ.

— Ну, вотъ тебѣ, Кити, и подруга! обратился онъ къ Кити. — А для насъ всѣхъ—новая радость. Теперь намъ съ Катюшей всѣмъ будетъ гораздо веселѣй!

Батюшка сказалъ это безъ всякой задней мысли, но его слова произвели непріятное впечатлѣніе на Кити и ея мать. Клавдія Сергѣевна осмотрѣла батюшку въ лорнетъ съ головы до ногъ. Потомъ обѣ онѣ молча усѣлись за столъ.

— Ну, надулись, какъ индюшки! шепнулъ батюшка на ухо мадамъ Ожье.

Стали завтракать. Вставшая рано и уже успѣвшая набѣгаться, Катя, какъ говорится, уплетала за обѣ щеки. Было весело смотрѣть, какъ она ѣла. Бабушка то и дѣло поглядывала на нее и улыбалась. Она ѣла и рассказывала о своей мамѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ съ няней и съ Пулькой и Пушисткой, и того и не замѣчала, что всѣ за столомъ притихли и только и слушали ее одну. Было что-то веселое, задорное въ этомъ ея щебетаньѣ и отъ этого ея простодушнаго безхитростнаго лепета было пріятно на душѣ и у графини и у батюшки.

— А ты что-же, Кити, ничего не ѣшь? вдругъ спохватилась графиня.

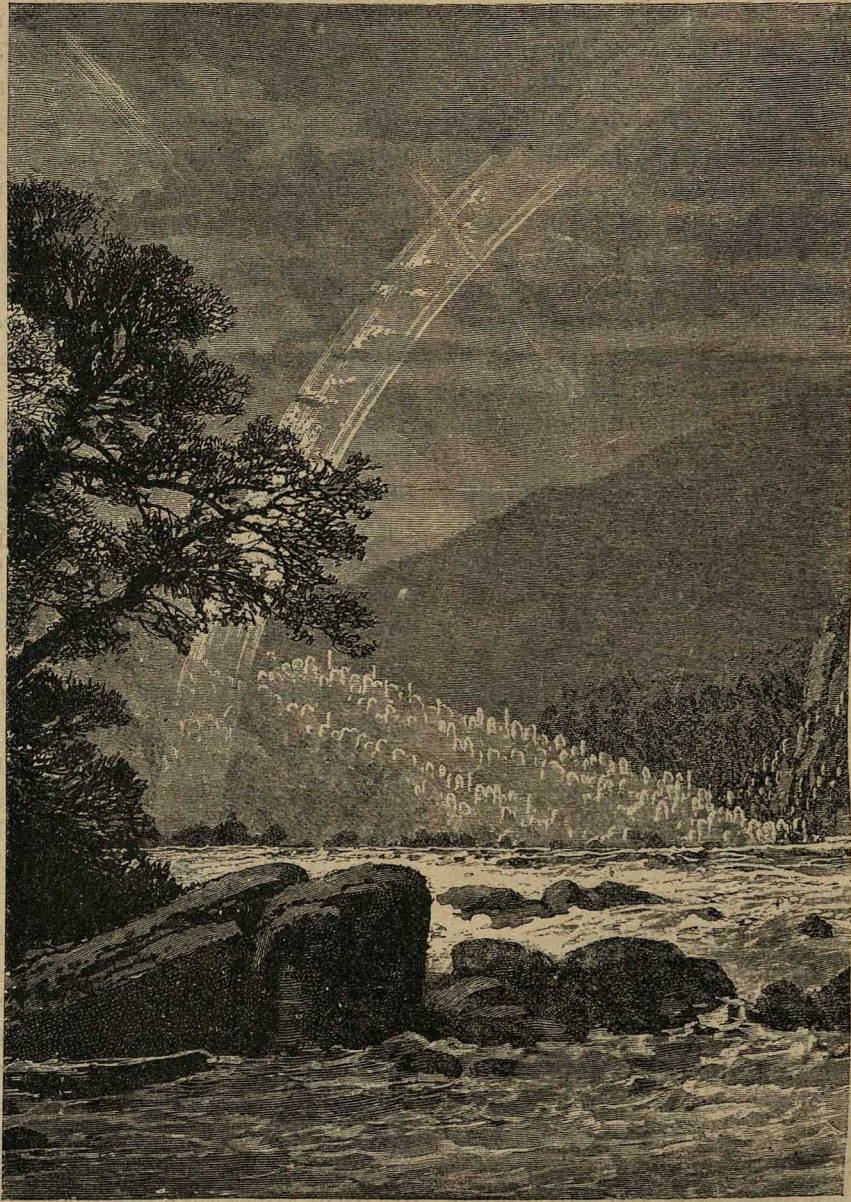
— Она не можетъ кушать всѣхъ этихъ блюдъ, отвѣтила за нее мать.—У нея очень слабый желудочекъ и она не ѣстъ ни этой рыбы, ни этого мяса, ни этой каши!..

— А что-же она ѣстъ? спросилъ въ удивленіи батюшка.

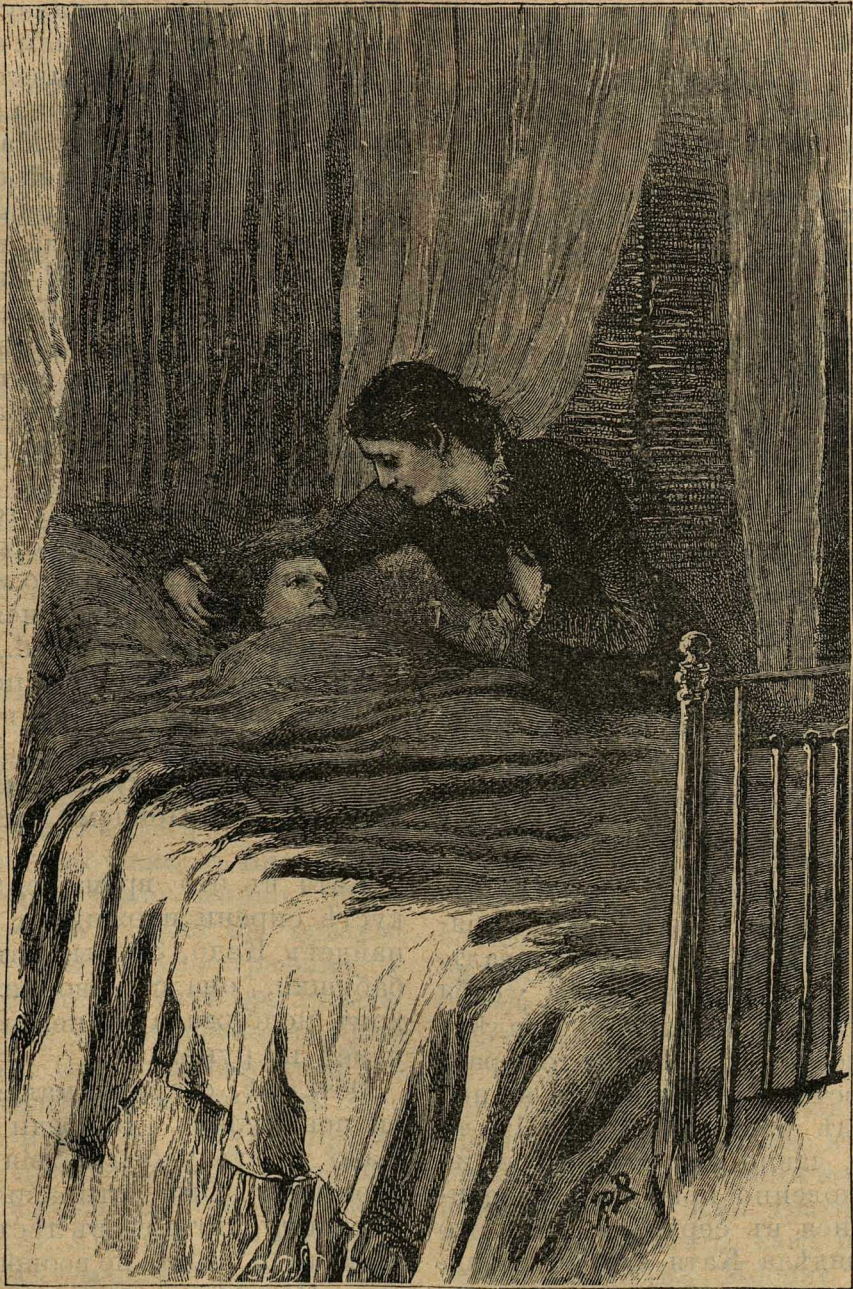
Кити замигала глазами, покраснѣла и собралась плакать. Бабушка смолчала и до конца завтрака ужъ не обращала на нее никакого вниманія. Клавдія Сергѣевна была недовольна и хмурилась за дочь. А когда встали изъ-за стола, то Кити бросилась къ матери и стала просить у нея шоколаду.

— Мама, шоколаду хочу, дай мнѣ шоколаду!

Мать сходила къ себѣ въ комнату, принесла оттуда большую коробку конфетъ и поставила передъ дочерью.

Радуга.

— Спокойной ночи!

— Надо будетъ написать въ Москву къ Абрикосову, сказала она, — чтобы онъ прислалъ еще двадцать коробокъ конфетъ, а то эта уже предпоследняя.

А батюшка подошелъ къ Катѣ и опять поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Ахъ, ты моя цыплятка! воскликнулъ онъ. — У меня тоже когда-то была такая-же дочь, да, царство ей небесное, померла.

И, загнувъ назадъ рукавъ, онъ благословилъ Катю большимъ крестомъ, касаясь пальцами ея лба, плечей и груди.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, сказалъ онъ. — Рости, будь умница и преуспѣвай!

Послѣ завтрака всѣ разбрелись каждый къ себѣ. Катя осталась одна и отъ нечего дѣлать выбѣжала въ садъ и долго ходила по его дорожкамъ. Ей не было скучно. Она уже свела дружбу съ большимъ сенъ-бернарскимъ псомъ Кадо и вполне удовлетворялась его присутствіемъ. Они вмѣстѣ кувыркались по травѣ, вмѣстѣ бѣгали, а потомъ Катя стала прятаться, а Кадо ее разыскивалъ. Все время бабушка сидѣла у себя въ будуарѣ и незамѣтно глядѣла на нее черезъ окно. Какое-то странное чувство пробуждалось въ ней при видѣ этой дѣвочки. Что-то далекое, давно уже позабытое, но необыкновенно пріятное, шевелилось у нея въ сердцѣ и, какъ это и предвидѣла Катя еще до поѣздки сюда, мысли графини стали невольно переходить съ дѣвочки на ея мать; но графиня не хотѣла на нихъ останавливаться; ея гордость все еще была задѣта за живое и она не могла простить Катиной

мамѣ того, что когда-то на ней женился ея любимый племянникъ. Напрасно она погружалась въ чтеніе; ея мысли не давали ей покоя. Она то и дѣло отрывалась отъ книги и сознаніе, что она была неправа по отношенію къ Маріи Александровнѣ, царапало ей сердце.

— Кити! крикнула она черезъ комнату. — Ты-бы пошла въ садъ, поиграла-бы съ Катей! Видишь, — она бѣгаетъ тамъ съ Кадо одна!

Кити не отвѣтила. Вмѣсто нея въ будуаръ вошла ея мать Клавдія Сергѣевна и, оглядѣвшись по сторонамъ и подѣвъ къ графинѣ, тихонько спросила: —

— Вы не находите, тетя, что эта дѣвочка очень простовата для моей Кити? Я боюсь, что моя Кити сможетъ перенять отъ нея ея дурныя, мѣщанскія манеры!..

Графиня равнодушно поглядѣла на нее, не отвѣтила ей ничего и вышла въ садъ сама.

— Катя! крикнула она. — Катюша! Гдѣ ты? Пойдемъ вмѣстѣ гулять!

Катя въ это время сидѣла въ кустѣ сирени и ожидала, когда ее найдетъ Кадо. Заслышавъ голосъ бабушки, она съ звонкимъ смѣхомъ подбѣжала къ ней и повисла у ней на рукѣ.

Обѣ онѣ, старая и малая, отправились гулять. Впереди бѣжалъ Кадо и отъ удовольствія махалъ хвостомъ. Онѣ отправились на мельницу, потомъ въ лѣсъ, потомъ на луга и долго не возвращались.

— Ну-ну! говорила въ это время горничная Настя лакею Петру. — Ужъ сколько лѣтъ живу здѣсь, а ни разу еще не было такъ, чтобы графиня такъ далеко уходила гулять!

— Да... протянулъ и Петръ.— И такъ на долго! Что-жь? Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго! Барышня-то ужъ очень проста и хороша!..

Въ это время въ комнату вбѣжала Кити.

— Кто смѣлъ взять со стола мою книгу? громко закричала она на Настю.—Какъ ты смѣла закрыть ее на томъ мѣстѣ, гдѣ я читала? Кто здѣсь въ домѣ хозяинъ?

Горничная смутилась.

— Извините, барышня, робко отвѣтила она,—но я сегодня вашей книги даже и не видала!

— Врешь! Врешь! все еще кричала Кити.—Я покажу тебѣ, какъ врать. Мужичка! Лгунья! Ты знай, въ какомъ домѣ ты живешь!

Настя повернулась и вышла изъ комнаты.

— Это я, барышня, закрылъ вашу книгу!.. признался лакей Петръ.

Кити измѣрила его презрительнымъ взглядомъ и, недовольная, отправилась къ себѣ.

Пришли бабушка съ Катей. Онѣ устали, имъ было жарко. Какъ пришли, такъ и сѣли на диванъ.

— Уфъ! вздохнула графиня.— Лѣтъ пятнадцать такъ не гуляла!

За дорогу онѣ переговорили уже обо всемъ. Было рѣшено, что черезъ недѣлю Катя начнетъ уже учиться и что ей будутъ преподавать: предметы — учительница земской школы, законъ Божій — батюшка о. Арсеній, а французскій языкъ — мадамъ Ожье. Катя была очень довольна, что ей будутъ преподавать именно о. Арсеній и мадамъ Ожье: она ихъ очень любила.

Черезъ недѣлю дѣйствительно

начались занятія. Катя училась одна, такъ какъ Кити была слаба здоровьемъ и ее мама заявила, что ей учиться еще вредно.

— Ученье не уйдетъ, сказала она,—а здоровья не купишь ни за какія деньги.

Чтобы Катѣ не было скучно одной, графиня присаживалась къ ней и тоже начинала что-нибудь дѣлать: или вышивать, или-же вязала крючкомъ кружева. Эти совмѣстные занятія и ежедневныя прогулки графини съ Катей скоро тѣсно ихъ сблизили. Не прошло и трехъ недѣль, какъ графиня уже ни одной минуты не могла обойтись безъ своей новой внучки, а Катя скучала, когда бабушка къ ней долго не выходила. Глядя на своего маленькаго друга, графиня чувствовала, какъ оттаивало ее сердце, и при звукѣ Катинаго голоса или при ея звонкомъ смѣхѣ старушкѣ казалось, будто наисладчайшій медъ тонкой струйкой льется ей въ самую душу. Она не могла наглядѣться на Катю, приходила по ночамъ къ ней въ комнату и тайкомъ отъ всѣхъ благоговяла ее и просиживала около ея кровати цѣлые часы. Она стала бояться, какъ-бы не пріѣхала неожиданно Марія Александровна и по праву матери не взяла ее отъ нея обратно. Какъ человекъ, не привыкшій стѣсняться въ средствахъ и въ то-же время понявшій, куда и на что ихъ тратить, она стала уже мечтать, какъ повезетъ осенью Катю въ Москву или въ Петроградъ, какъ отдастъ тамъ ее въ самый лучшій институтъ и проведетъ затѣмъ ко двору.

— Нѣтъ, не въ институтъ... мечтала она,—а лучше въ гимназію.

Если отдать ее въ институтъ, то придется не видѣться съ ней по цѣлымъ недѣлямъ, а я этого не смогу. Я должна видѣть ее каждый день...

И видя, что графиня дѣйствительно привязалась къ Катѣ, бабушка о Арсеній потираль руки и говорилъ мадамъ Ожье:—

— Это хорошо! Это даже очень прекрасно! Графиня одинока, душа ея безъ дѣтей очерствѣла и теперь, глядя на эту милую цыплятку Катю, согрѣвается и воспаряетъ, какъ плодоносная земля отъ солнечныхъ лучей. Я радъ и за графиню и за Катину мать!

Клавдія Сергѣевна тоже замѣтила въ графинѣ эту перемену. Она съ неудовольствіемъ поглядывала на Катю и всякій разъ мысленно ворчала:

— „Принесло тебя некстати“... „Сидѣла-бы тамъ дома со своими собаками да кошками!“

Такъ потянулись дни за днями и наконецъ прошли три долгихъ мѣсяца, какъ Катя поселилась у бабушки-графини. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ дни для Кати становились все длиннѣе и длиннѣе, она все думала о своей мамѣ, скучала по ней, страдала въ душѣ и ея имя было у нея постоянно на устахъ. Оставаясь въ своей комнатѣ одна, она начинала разговаривать вслухъ съ отсутствовавшей матерью, жаловалась ей на свое одиночество, хотя она и была не одна, и просила ее, чтобы она приснилась ей во снѣ. Два или три раза это подмѣтила графиня и едва могла себя побороть: у нея навертывались слезы.

— Нѣтъ, шептала она про се-

бя. — Эта дѣвочка страдаетъ, и я виновата во всемъ... Неужели-же придется пригласить къ себѣ ея мать?

И останавливаясь въ раздумьи, она качала головой и тихо говорила:

— Я должна ее пригласить!

Однажды въ воскресенье, во время обѣдни, Катѣ вдругъ показалось, что она видитъ въ церкви свою мать. Сердце у нея забилося, и она еле могла выстоять на ногахъ. Она обернулась, посмотрѣла въ тотъ уголь церкви, гдѣ стояла дорогая фигура подъ вуалью, и протерла себѣ глаза. Да, это ей не приснилось! Это дѣйствительно была ея мать! Соскучившись по Катѣ, чувствуя себя одинокой и не будучи въ состояніи переносить разлуку, она пріѣхала въ Знаменское, чтобы взять къ себѣ обратно свою дочь.

— Грѣхъ разлучаться изъ-за земныхъ выгодъ!.. рѣшила она.

Она пріѣхала въ Знаменское какъ разъ въ ту самую минуту, когда графиня съ Катей и со всѣми домашними уѣхали въ церковь. Отправилась туда и она сама. Тамъ она стала въ дальнемъ уголкѣ и оттуда любовалась на свою дочь. Когда Катя узнала ее и хотѣла побѣжать къ ней и броситься къ ней на шею, то она украдкой кивнула ей головой, чтобы она сдержала себя и не показывала и вида о томъ, что ея мать здѣсь.

Сердце Кати такъ и прыгало отъ радости. Она стояла, какъ на иголкахъ, вертѣлась и то и дѣло перемигивалась съ матерью, посылая ей свои взгляды и улыбки. А затѣмъ весь день, когда пріѣхали домой, она распѣвала во весь голосъ

и такъ носилась по всѣмъ комнатамъ, что даже графиня замѣтила это и спросила:—

— Да что съ тобою сегодня?

— Она что-нибудь уронить сегодня или разобьетъ! подтвердила и г-жа Покотилова.

На другой день Катя выбѣжала въ садъ въ надеждѣ, что ея мать прогуливается гдѣ-нибудь невдалекѣ и что она увидитъ ее хоть мелькомъ. Она не ошиблась въ этомъ и дѣйствительно не только увидѣла ее, но и успѣла быстро ей крикнуть:

— Милая мамочка, я безъ ума отъ того, что ты приѣхала! Мнѣ такъ хочется тебя обнять!

Марія Александровна подошла къ ней, Катя отворила ей калитку и такъ и упала въ объятія къ своей мамѣ. Имъ казалось, что онѣ еще никогда не любили другъ дружку такъ крѣпко, какъ теперь. Какъ онѣ цѣловались! Онѣ усѣлись рядышкомъ на траву и стали разговаривать между собою, какъ двѣ птички.

— Я не могу больше безъ тебя, сказала Марія Александровна. — Я приѣхала за тобой, и если не сразу явилась къ графинѣ, такъ только потому, что не рѣшалась... Не хорошо разлучать мать и дочь!

Въ этотъ моментъ вѣтви раздвинулись, и передъ ними предстала сама графиня.

Марія Александровна и Катя были поражены. У графини былъ строгій видъ, но она не казалась сердитой. Она только спросила:

— Вы ея мать?

Марія Александровна отвѣтила наклоненіемъ головы. Катя выступила впередъ.

Это была серьезная минута. Если

графиня не приметъ сейчасъ Катину маму, то и Катя сейчасъ-же съ нею уйдетъ и оставитъ свою бабушку навсегда. Это будетъ съ ея стороны неблагодарнымъ поступкомъ, но вѣдь и съ сердцемъ не шутятъ и никакія силы въ свѣтѣ не въ состояніи разлучить мать и дитя.

Графиня смотрѣла на нихъ обѣихъ, долго молчала и наконецъ ласково спросила:—

— Отчего вы не написали раньше, что приѣдете сюда? Я выслала бы за вами лошадь...

Марія Александровна не ожидала такого приѣма. Въ словахъ и—главное— въ тонѣ графини было что-то такое, что влекло къ себѣ.

— Я и Катя не можемъ жить другъ безъ дружки, отвѣтила мать.

Катя бросилась на шею къ графинѣ и нѣжно прижалась своею щекою къ ея старческой морщинистой щекѣ. Графиня на секунду закрыла глаза, точно прислушиваясь къ внутреннему голосу своей души, а затѣмъ крѣпко обняла Катю и поцѣловала ее, по своей привычкѣ, прямо въ глаза.

— Дайте мнѣ вашу руку, племянница, обратилась она къ Маріи Александровнѣ, — и простите меня. А теперь—пойдемте домой. Я говорю „домой“, потому что эта усадьба будетъ вашимъ домомъ. Катя больше не разстанется со мною, а вы не разстанетесь съ ней. Забудьте тѣ непріятности, которыя я причинила вамъ, и поселитесь со мною навсегда!

Радостныя, довольныя, счастливыя, онѣ всѣ три обнялись, и стали плакать.

— А няня? вдругъ спохватилась Катя.—А Пулька? А Пушистка?

— Мы пошлемъ за ними, успокоила ее графиня, — и всѣхъ ихъ привеземъ сюда.

И съ этой минуты въ Знаменскомъ уже не было такъ пустынно и поселилось счастье. Бабушка была довольна. Теперь она была не одна и ее окружали тѣ, кто ее любилъ и кого любила она сама.

— А что же стало потомъ?

Потомъ? Поѣзжайте въ Знаменское и спросите тамъ, кому оно принадлежитъ?

И вамъ отвѣтятъ: Екатеринѣ Николаевнѣ. Это — прежняя Катя.

Она выросла уже большая и сама завѣдуетъ всѣмъ сложнымъ знаменскимъ хозяйствомъ. Графиня уже умерла. Катя вышла замужъ и уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ и съ матерью въ Петроградъ. Говорятъ, что она не особенно счастлива въ супружествѣ. Батюшка о. Арсеній и няня еще живы и не нарадуются на свою любимицу, которую батюшка все еще продолжаетъ называть „цыпляткой“. Пулька уже издохла, а Пушистка стала уже такъ стара, что цѣлыми днями лежитъ на окнѣ и грѣется на солнцѣ.

Время идетъ своимъ чередомъ.

М. Б—скій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Буквы 1. 2. 6. 4. 8. 9 — означаютъ то, безъ чего нельзя обойтись въ жизни, 6. 8. 7. 3. 2 — то, съ чѣмъ имѣютъ дѣло грамотные люди, 5. 6. 2. 1. 6. 2 — то, что любятъ дѣти, 1. 2. 8. 4. 1. 2 — то, что вызываетъ собою опухоль, 2. 8. 2. 8. 2. 5. 9 — душистый фруктъ, 6. 2. 5. 6. 2 — головной уборъ, 7. 6. 4. 8. 2 — священное изображение, 4. 6. 8. 4 — необходимую принадлежность жилища, 4. 5. 4. 6. 2 — водяную траву, 8.

4. 3. 2 — часть тѣла, 8. 4. 5. 6. 7 — часть мужской одежды.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилию русскаго писателя.

(Предложилъ И. Машковъ).

II.

Задуманы три слова, каждое изъ которыхъ имѣетъ по три слога. Слова эти означаютъ:

1. Водяную траву.
2. Плотничій инструментъ.
3. То, безъ чего нельзя посылать письмо.

Взять вторые слоги этихъ словъ и составить ихъ нихъ новое слово, которое означаетъ то, чего бы-

ваеть много послѣ жатвы и молотъ-бы хлѣба.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Задуманы три слова, означающія:—

1. Названіе вреднаго грызуна.
2. Пятнышко на глазу, мѣшающее хорошо видѣть.

3. То, что продаютъ въ лавкахъ.

Послѣдніе слоги этихъ трехъ словъ должны составить собой названія предмета, обычнаго въ каждой русской семьѣ.

Какія слова задуманы и какой это предметъ?

IV.

Шуточные вопросы:—1. Отчего человѣкъ не можетъ взлетѣть на воздухъ безъ крыльевъ?

2. Почему люди начинаютъ учиться именно съ дѣтства?

3. На что больше всего похожа половина апельсина?

V.

Названіе русскаго города на сѣверѣ состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.

Буквы—1. 5. 8. 9. 10. 13 означаютъ часть уздечки, 10. 5. 11. 12. 7—строительный матеріаль, 3. 2. 3. 2. 4. 2. 8. 13—птицу, 4. 9. 6. 7—цвѣтокъ, 9. 12. 5. 4. 5. 12. 13—закуску, 10. 4. 5. 8. 7—то, что грѣтъ, 3. 2. 7. 3. 4. 13—мѣсто, гдѣ даются представленія, 3. 5. 8. 7. 4. 13—то, что продаютъ въ магазинахъ, 12. 9. 4. 5. 8. 7—рогатое животное. 11. 9. 4. 5. 12. 7—птицу, 8. 9. 10. 5. 8. 9. 6. 13—человѣка, который утоляетъ нашу жажду. 1. 2. 4. 2. 8. 5. 6. 13—то, что бываетъ на большихъ рѣкахъ.

Какія это слова и названія какого города задумано?

VI.

Изъ чего состоитъ цѣпь?

Рѣшеніе головоломкѣ и ребуса № 18, помѣщенныхъ въ № 18 «Золотоу Дѣтства».

Головоломки: I. По лѣстницѣ. II. По водѣ. III. По воздуху.

Ребусъ № 18. По + калоша + дитя + нули + э + киша + жь + на + сту + пила + г + роза = Пока лошади тянули экипажъ, наступила гроза.

Вторныя рѣшенія прислали: Н. Геннитъ, В. Огарковъ, О. и Г. Марковичъ, С. Ж. и В. Кряквинны, В. Сафроновъ, А. Русисъ, Леликъ-Кроликъ Богущъ, Вѣрочка Басанько, М. Уткина, С. Завалишьякъ, Н. и В. Панишиновскія, Юсь изъ Ворежбы, Внуку Капудевичъ, К. Нечпаевскій, И. Устинова, Зоя Никаро, В. Людкевичъ, Л.

Крюковъ, Л. Суворова, М. и П. Тимофеевы, Н. Краузъ, В. Силькевичъ, В. Стольниковъ, С. Маркевичъ, Зоя Оловяковъ, О. Тодоровичъ, А. и И. Явейнъ, В. Щепкинъ, А. Мицкелюнасъ, Л. и Г. Растеряевы, Л. и К. Широченко, О. и Т. Казмичевы, Сережа и Костя, М. Гартвигъ, П. Герасимовъ, Ф. Флоринскій, К. Клишко, В. Кипарисовъ, А. В. Курбатовы и Н. Кашменская, О. и О. Еремьны, Т. Евстратова, С. и М. Гавриловы, Н. Плавская, В. Гамовъ, Т. Каледина, К. Балануца, Е. Виленская, Ю. и Л. Ловень, Т. и О. Болесниковы, Б. Кедровъ, В. Феодоровъ, В. Назаревъ, В. и К. Щировскіе, Б. Капелинъ, Манефа и Тратата, Тамара, Борисъ и Лютикъ.

Годъ восьмой.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ во
ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 3 р. 80 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

**ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»**

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».**

Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

